

В начале месяца Цинь Кэ должен был вернуться в Лунчэн, чтобы провести важное собрание. Задерживаться здесь он не мог и собирался уехать почти сразу после завтрака.

Дуань Цунчжи приуныл, хотя и понимал, что иного ждать не приходилось. Это ведь Цинь Кэ, сам Третий господин Цинь. Неужели стоило надеяться, что он уподобится древнему императору, который забросил государственные дела ради утех с фаворитом? Тем более что они еще даже близко не подошли к тому, чтобы делить ложе теплыми весенними ночами.

Съемки в степи практически завершились. Режиссер Тянь ждал лишь одного — особенного, по-настоящему величественного заката. Сегодня все утро было свободным, да и в ближайшие дни работы могло не предвидеться, но вся группа была обязана оставаться на месте.

Ху Сюйцзэ отсыпался. Цунчжи подозревал, что у того нелады со сном: стоило выдаться свободной минутке, как коллега тут же проваливался в дрему.

Сам Цунчжи подобным не страдал — он засыпал без труда в любых условиях. Вчерашняя бессонница была редким исключением, но стоило Цинь Кэ обнять его, как он мгновенно отключился.

Когда-то давно, когда у Цунчжи была ветрянка, Цинь Кэ качал его точно так же, разве что через плотное одеяло. Тогда он завернул мальчика в кокон, чтобы тот не расчесывал сыпь, но Цунчжи все равно умудрялся вертеться. В итоге Цинь Кэ просто прижал его к себе вместе с одеялом, накрыл ладонью его глаза и тихо велел: «Спи».

Цунчжи подумал, что это, пожалуй, единственный метод укачивания в арсенале Цинь Кэ. За столько лет — никакого прогресса, но, как ни странно, усыпляло безотказно.

Провожая Цинь Кэ к машине, Цунчжи не стал церемониться: просто подошел и крепко обнял его. Тот не попытался отстраниться.

Спустя пару секунд Цунчжи поднял голову. Цинь Кэ встретился с ним взглядом и осторожно приподнял руку, приобнимая в ответ.

Цунчжи довольно заулыбался и не спешил разжимать объятия. Перед тем как отпустить мужчину, он ласково потерся носом о его шею и тихо, едва слышно прошептал:

— Больше никого не обнимай.

— Хорошо, — последовал тихий ответ.

Вернувшись в палатку после проводов, Цунчжи уткнулся в сценарий, но глупая счастливая улыбка так и не сходила с его лица.

В конце концов Чжоу Цюань не выдержал:

— Случилось что-то хорошее?

— А? — Цунчжи недоуменно моргнул. — С чего ты взял?

— Да у тебя рот до ушей, — резонно заметил помощник.

Цунчжи попытался принять серьезный вид и отхлебнул свежесваренного молочного чая, который приготовил ассистент, но уголки губ упрямо поползли вверх.

— Очень вкусно, — похвалил он.

Чжоу Цюань с сомнением покосился на кружку. Неужели получилось настолько шедеврально?

Закаты в степи полыхали каждый вечер, однако из-за засухи небо оставалось абсолютно чистым, без единого облачка, что никак не устраивало требовательного режиссера. Нужного эффекта удалось дожидаться лишь в самый последний день съемок на этой локации. Впрочем, в спорах с небесной канцелярией получить желаемое — уже огромная удача.

Как только отсняли последний кадр, группа спешно свернула лагерь и без передышки двинулась к следующему месту. Из суровых северных краев они мгновенно перенеслись на юг — на крошечный остров у самого тропика Рака.

Цунчжи прежде и слыхом не слыхивал, чтобы съемочные группы так мотало из одного конца страны в другой. Подобные разъезды требовали колоссальных затрат времени и колоссальных же бюджетов. Одно дело — полнометражное кино, и совсем другое — телевизионный сериал, где столь фанатичная погоня за красивым кадром была невиданной роскошью.

Когда Цунчжи заговорил об этом с режиссером Тянем, тот лишь самодовольно покачал своим термосом:

— «Вопрос к мечу» — главный проект «Чуанши» в этом году. Будь на его месте любой другой сериал, даже наша компания не стала бы так сорить деньгами.

«Вопрос к мечу» финансировался «Чуанши» в одностороннем порядке. Ради сохранения абсолютного контроля над производством руководство отказалось даже от рекламных контрактов и спонсорских интеграций. Для компании этот сериал был не средством сиюминутного обогащения, а долгосрочным вложением в репутацию.

Будучи старым игроком на рынке шоу-бизнеса, «Чуанши» всегда держалась в тени. Они выпускали качественные проекты, однако имя самой компании редко оставалось на слуху у массового зрителя. Теперь же, меняя стратегию развития, они отчаянно нуждались в визитной карточке, способной заявить о них во весь голос.

— К тому же, благодаря тебе, Сяо Дуань, перед самым началом съемок руководство накинуло нам бюджета, — режиссер довольно сощурился.

Благодаря этому траншу на острове их расселили в комфортабельном курортном отеле.

— Изначально я присмотрел совсем другое местечко. Если бы поехали туда, вам пришлось бы ютиться по домам местных рыбаков.

«Это еще что значит? — пронеслось в голове у Цунчжи. — Семья Цинь решила подкинуть денег? Или Цинь Кэ примерил на себя роль моего тайного покровителя?»

подавив удивление, он как можно небрежнее спросил:

— И какова же в этом моя заслуга?

Тянь ответил витиевато, явно увиливая от конкретики:

— Ты помог руководству осознать, насколько сильно зрители ждут наш проект. Вот они и расщедрились на дополнительные расходы.

Оправдание вышло туманным. Разумеется, шумиху в сети подняла команда Линь Ханя, но Цунчжи тоже сыграл в этом не последнюю роль. Решив не копать глубже, он пока поверил режиссеру на слово.

Работа на острове продвигалась в бешеном темпе, но бытовые условия здесь раем казались по сравнению со степью. Климат радовал мягкостью: днем столбик термометра держался на комфортных двадцати градусах, и единственной досадой оставалось обилие мошкар.

Но вскоре Цунчжи ощутил на себе все прелести акклиматизации, вернее, того, что в народе называют «избытком внутреннего жара». В их прощальный вечер в степях команда устроила бурный праздник у костра с дегустацией зажаренного целиком барана. И именно с той ночи Цунчжи начали одолевать сны. Сны весьма определенного, крайне пикантного содержания.

Оставалось лишь радоваться, что они уже съехали из палаточного лагеря, иначе утренние поиски горячей воды для душа превратились бы в невыносимую пытку.

Поначалу он списывал это на банальный застой сексуальной энергии и закономерную реакцию

организма на недавние ласки Цинь Кэ. Но шли дни, они всю обживали остров, а ночные видения и не думали прекращаться.

Образы в его снах оставались туманными и зыбкими, детали ускользали из памяти, оставляя лишь отчетливый силуэт обнаженной мужской спины и оглушительное, хриплое дыхание, разносившееся в полумраке. Лица мужчины он разглядеть не мог, но внутренний голос упрямо твердил: это был Цинь Кэ.

Цунчжи давно разменял третий десяток, так что подобные сны для него не были новинкой. И Цинь Кэ являлся к нему во сне далеко не впервые — собственно, его осознание собственных чувств к опекуну когда-то и началось с яркого ночного сновидения. Но чтобы грезы накатывали каждую божью ночь? Это уже переходило все границы.

Втайне от всех он залез в поисковик и вбил запрос: «Почему часто снятся эротические сны».

Интернет выдал две основные причины: банальная неудовлетворенность плоти на фоне постоянных мыслей об объекте вождения либо же слабость почек.

Ни один из диагнозов его не устроил. С каменным выражением лица Цунчжи закрыл вкладку.

«Чушь. Полная чушь!»

Он лишь вскользь упомянул в разговоре с Чжоу Цюанем, что мучается от внутреннего жара. Помощник, хоть и не заметил у шефа никаких внешних признаков недомогания, спорить не стал: барин сказал «жар», значит, будем лечить. Благо народная медицина предлагала исключительно приятный метод — корректировку рациона, а молодому и здоровому организму легкая диета точно не повредит.

Несколько дней Цунчжи прилежно питался исключительно охлаждающими продуктами, но толку от этого было мало. К счастью, мучения прекратились сами собой недели через две, ровно тогда, когда подошли к концу съемки островного блока. Цунчжи наконец-то вздохнул с облегчением. Тщетно ломая голову над причинами столь странного наваждения, он в итоге списал все на капризы здешнего климата.

В честь успешного завершения этапа режиссер Тянь расщедрился на трехдневные каникулы.

Пользуясь случаем, Цунчжи рванул в Лунчэн, но стоило ему сойти с трапа самолета, как на мобильный настойчиво позвонил Сюэ Пин и потребовал явиться в офис. Только тут до юноши дошло: выходные дали съемочной группе, а не ему лично. Свобода от камер вовсе не означала свободу от обязательств перед агентством.

Сюэ Пин с ходу огорошил его новостью: Цунчжи утвердили на участие в популярном шоу. Это была та самая передача «Жизнь в роли», из-за которой его имя когда-то впервые взлетело в тренды бок о бок с Нин Хаосюанем. На сей раз компанию ему должны были составить Ху Сюйцзэ и Чжэн Хаожань — передача планировалась как часть масштабной промо-кампании «Вопроса к мечу».

Оба его спутника прочно закрепились в первом эшелоне звезд, так что для малоопытного Цунчжи совместный эфир с мастодонтами сцены был щедрым подарком судьбы. По словам Сюэ Пина, менеджеры телеканала закинули удочки еще тогда, когда Цунчжи обменялся парой любезностей с Ху Сюйцзэ в Вэйбо.

Изначально продюсеры нацеливались исключительно на киноимператора Ху, но руководство «Чуанши» славилось умением выжимать максимум из любых партнерских соглашений. В ответ на приглашение компания выдвинула встречное предложение: забрать пакетом еще и Чжэн Хаожаня. Логика была безупречной: раз уж пиарить будущую премьеру, то исполнителю второй главной роли негоже оставаться в стороне. Так дуэт превратился в трио.

«Чуанши» по праву считалась одной из лучших компаний в индустрии с точки зрения заботы о сотрудниках, и артисты частенько платили ей взаимностью, соглашаясь поддержать зеленых новичков на публичных мероприятиях. Но даже по меркам агентства случай Цунчжи выглядел феноменальным: чтобы вчерашнего дебютанта опекали сразу два признанных титана — Киноимператор и Телеимператор, — такого старожилы не припоминали.

Съемки выпуска назначили на январь, сразу после того как завершится съемочный процесс «Вопроса к мечу».

Но обсуждением планов дело не ограничилось. Цунчжи предстояло записать две музыкальные композиции — заглавный саундтрек к сериалу и песню для финальных титров. Те же обязательства легли и на плечи Ху Сюйцзэ.

Цунчжи не без оснований подозревал, что режиссер Тянь провернул все это умышленно. Будучи штатным режиссером «Чуанши», он без труда координировал действия с агентством. Похоже, боссы просто сговорились за их спиной: устроили актерам короткую передышку от съемок лишь для того, чтобы запретить их в студии звукозаписи.

Хотя основные вокальные партии для сериала доверили профессиональным исполнителям, по давней традиции ведущие актеры должны были представить собственные версии. Чжэн Хаожань отстрелялся быстрее всех: пару лет назад он всерьез увлекался эстрадой и даже выпустил сольный альбом, так что его часть работы заняла от силы пару часов.

Настоящие трудности начались, когда за микрофон встали Ху Сюйцзэ и Дуань Цунчжи.

Ху Сюйцзэ прежде снимался в чужих музыкальных клипах, но сам у микрофона никогда не стоял. Слух у него был неплохим, однако связки зажимались так сильно, что на любой ноте — хоть высокой, хоть низкой — казалось, его голос вот-вот сорвется на истошный писк.

Видя, как мучается прославленный актер, звукорежиссер отправил его в коридор распеваться и позвал в кабину Цунчжи. Узнав, что парень в детстве занимался музыкой, маэстро вздохнул с облегчением, рассчитывая на легкую работу. Как же жестоко он ошибался.

Ноты Цунчжи запоминал на лету, но стоило ему открыть рот, как наружу прорывалось его истинное проклятие — абсолютное отсутствие вокального слуха. Он безбожно фальшивил. Бедный звукорежиссер раз за разом заставлял его проговаривать гаммы, но Цунчжи умудрялся вместо «до» выдать чистейшую «соль», причем делал это с самым невозмутимым видом.

У наставника задергался глаз:

— Парень, ты же уверял, что умеешь играть на пианино!

В углу студии как раз стоял рояль. Желая реабилитироваться в глазах профессионала, Цунчжи сел за инструмент и без лишних слов безупречно исполнил сложную классическую пьесу. Пальцы порхали над клавишами, извлекая чарующие, чистые созвучия.

Музыкальное образование действительно было налицо. Наставник озадаченно почесал затылок:

— Ничего не понимаю... Если руки все помнят, почему рот выдает такое непотребство?

Цунчжи и сам не знал ответа. Он всю жизнь страдал этой странной аномалией: читать с листа и играть умел превосходно, но стоило попытаться воспроизвести мелодию собственным голосом — пиши пропало. Он прекрасно различал фальшь со стороны и слышал каждую ноту в чужом исполнении, но собственный голосовой аппарат упорно отказывался ему подчиняться.

Цунчжи в очередной раз возблагодарил небеса за то, что в свое время семейство Цинь не включило уроки вокала в список обязательных предметов для его домашнего обучения. Иначе его позор был бы поистине вечным.

А ведь у него были такие грандиозные планы на эти три дня! Цунчжи рассчитывал выкроить денек, чтобы навестить родителей и спокойно поужинать в семейном кругу, а затем отправиться в поместье Цинь — повидаться с дядей Ином, потискать кота Таньюаня и остаться с ночевкой. Если бы повезло, он вполне мог попытаться просочиться под покровом ночи в спальню Цинь Кэ.

Но судьба распорядилась иначе: и он, и Ху Суйцзэ оказались намертво заперты в четырех стенах звукозаписывающей студии. Кабину они делили на двоих. Чтобы побережь связки, каждый работал сессиями по тридцать минут, сменяя друг друга. И пока один отдувался перед микрофоном, второму приходилось обреченно слушать завывания коллеги через динамики.

В минуту особого отчаяния Цунчжи деликатно поинтересовался у Сюэ Пина, нельзя ли решить проблему силами современных компьютерных технологий. На что менеджер безжалостно отрезал:

— «Чуанши» снимает отличные сериалы, но в музыке мы не сильны и отдаем ее на аутсорс. Весь бюджет ушел на гонорары композиторам и профессиональным вокалистам. Нанимать для вас гениального звукорежиссера, способного сотворить чудо при сведении, никто не станет.

Делать было нечего — пришлось запастись терпением и продолжить пытку. Два дня они безвылазно торчали в студии, уходя затемно. И лишь ближе к полуночи второго дня измученный звукорежиссер наконец сжалился и отпустил их на все четыре стороны.

Часы показывали десять вечера. Самолет улетал завтра в полдень, так что в запасе оставалась всего одна свободная ночь.

Выйдя в коридор, Цунчжи достал из холодильника две бутылки минералки, одну откупорил и протянул изможденному Ху Сюйцзэ.

Тот молча чокнулся с ним пластиковой бутылкой в знак безмолвной благодарности и триумфального завершения мучений.

Поскольку Ху Сюйцзэ давно вышел из нежного возраста, сестре Чжан больше не нужно было опекать его на поздних записях. Цунчжи тоже отпустил Чжоу Цюаня отдохнуть. Сейчас оба актера остались без свиты. Внизу, на подземной парковке, их дожидался предоставленный компанией автомобиль с водителем.

Когда они спустились, шофер стоял у машины и курил. Заметив пассажиров, он тут же затушил сигарету и вежливо поинтересовался маршрутом. Ху Сюйцзэ попросил отвезти его в актерское общежитие.

Общежитие находилось неподалеку, поэтому водитель сначала высадил его, а затем повернулся к оставшемуся в салоне Цунчжи.

Предыдущие ночи юноша провел в родительском доме. Ему отчаянно хотелось поехать в поместье Цинь, но дорога туда заняла бы слишком много времени — он добрался бы ближе к полуночи.

После недолгих колебаний он негромко скомандовал:

— В жилой комплекс «Ланьтин».